

ГОД НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ

Айдын Талыбзаде (05.10.1958) – театровед, критик и писатель, профессор, доктор философии по искусствоведению, заслуженный деятель искусств, автор монографий «Театр и театральность в культуре ислама» (на русск.), «Мастер и Зеркало», «Загадка Мехти или концептуальный гамлетизм в искусстве», «Театральные фрески», «Тысячи масок и один я», «Трагедия: мутация жанра», а также таких романов, как «Модель бабочки. 102», «Эбхюбб» и ряда пьес.

АЙДЫН ТАЛЫБЗАДЕ

ХОЗЯИН МЕДЖЛИСА ЗВЕЗД

Логика внезапных озарений

«Аллах – тот, кто сотворил семь небес и земли столько же».

Коран, 65:121

(Пер. И.Ю.Крачковского)

Во имя Аллаха, милостивого и милосердного!

Я не нашел более благостного вступительного слова для соприкосновения с миром «Аллаха Поэзии» по имени Ильяс ибн Юсуф ибн Зеки Муайяд, по родословной – Джамаледдин Абу Мохаммед, по региональной принадлежности прозванный Гянджеви, с псевдонимом Низами! Ведь именно Он является архитектором поэзии Хаварнак в контексте культуры ислама!

Это Он, это Он, это Он Хэким (Лекарь)!

Это Он, это Он, это Он Хаким (Судья)!

Это Он, это Он, это Он Алим (Ученый)!

Это Он, это Он, это Он Мунаджим (Звездочет)!

Это Он, это Он, это Он Поэт (Шаир)!

Это Он, это Он, это Он Суфий!

Куда бы я ни повернулся в мире поэзии, я видел лишь Его Лик! Я понял, что увиденное мною ни что иное, как аура святости, чистейший свет.

Это не пустословие: то эмоциональное состояние, в которое я впал при посещении мавзолея Низами Гянджеви в Гяндже, то, что я почувствовал, наполнившись изнутри светом, те же ощущения я пережил и перед Египетскими пирамидами – меня посетило странное ощущение спокойствия и счастья; я забыл обо всем на свете и существовал, обнаружив Аллаха повсюду и в себе самом, утопающем в сиянии света. Я мысленно растворился в **сэма** (дервишский ритуал духовного воссоединения с Аллахом) и как бы прожил всю эмоциональную платформу **мераджа** (вознесения) и «поплыл». «Плывя» по бесконечной и беспечной бескрайности времени и пространства, я потерял из виду берега.

Пока не осознаешь «вахдат ал-вуджуд» (единство бытия) внутри себя и себя в «вахдат ал-вуджуд», тебе не видать ни сэма, ни мерадж...

Прежде всего, хочу призвать дух Поэта и пуститься за Ним в долгий, долгий, долгий путь, как Гамлет за тенью отца, и просить помощи у Него, чтобы Он приподнял одну за другой тысячи завес тайн с лица «Семи красавиц»!

Потому что неизведанного мною много: в мире слов я не владею тронном, и давно пресытился бранным миром, уже и нет времени учиться, а вопросы все еще остаются, остаются, остаются...

Живи сто лет и впридачу учишь ещё столько же, но так и не поймёшь, что такое Ничто: ибо только Он из Ничто создает Нечто, а Нечто превращает в Ничто.

Это Он – Игрок, Чародей, Трансформер одновременно, который как в магическом реализме легко переходит из одного состояния в другое и непрерывно, и параллельно, меняя формы, творит бытие и Ничто. Бытие и Ничто – это единое целое в цепи «вахдат ал-вуджуд», так как они оба принадлежат Творению.

«Хамсэ» Низами – это настоящая сокровищница тайн: каждый бейт (двустипшие) – это шифр; «Энигму» же, т.е. расшифровальный аппарат надобно искать или в Коране, или в научной астрологии, или в истории, или в мифологии, или в геометрии, или в самой поэзии Востока...

«Семь красавиц» – это небесная игра в поло (човган): тот, кто умеет играть, пусть присоединяется. Каждая планета в этой игре – это мяч, катящийся в пустом пространстве, подобно вращающемуся дервишу: вращаясь, они сначала выстраивают мозаику жизни, а потом её разрушают; и, конечно же, делают это ради бесконечности чередований. А по сути, по значению, всё всегда является тем самым Единственным, который никогда не меняется; то есть, «гул ху валлаху эхэд» (Аллах един), т.е., как сказал Шейх Низами: *Они, в сущности, Единое, ты признавай Единого...*

Или:

*Дойди до Единого, отрекись от двух,
Потом остановись и ударь по обоим мирам.
Нет свидетельства о трёх, ты не люби его,
Не будь идолопоклонником, перешагни и двух.
Если не уберешь руки от трёх,
Не поднимешь мяч единства ...*

Поло – это знак, символ или микромодель космоса? Может ли удар по двум мирам означать удар по мячу? Разве на **меджлисе** (собрании) познавших (**ал-ари-фун**) это применимо? Разве мир – это мяч?

Но, с другой стороны, разве вся поверхность земли не топчется ногами, не получает удары, как мяч? Но от этого с ней ничего не случается: круглость и целостность МЯЧА от этого не меняется. В нём отражается идеал целостности микро- и макрокосма, где зажатость единится с нуждой, верх с низом, космос с хаосом, святое с грязным, сакральное с профанным. В условиях безграничности Вселенной одно смешалось с другим, и наоборот.

Единство всегда предполагает отсутствие границы и разницы. Поэтому мяч – это символ; он целостен, состоит из одной гомогенной текстуры, является точкой, по мере роста набравшей объем, имеет сферическое очертание и намекает на концепцию «вахдат ал-вуджуд» (единства бытия). Мяч в игре в поло бьётся палкой-клюшкой, после чего он, подобно небесным светилам, начинает вырисовывать на поверхности земли как бы траектории движения планет. Для того, чтобы добраться до мяча, т.е. до Единства, надо сперва отказаться от двоицы (в зороастризме Хурмузд и Ахриман) и троицы (в христианстве Отец, Сын и Святой дух).

«Бахрамнамэ» – это дастан о скачущем на коне Бахраме среди «хафт пейкар», т.е. среди семи планет. Их также можно назвать семью путниками.

«Бахрамнамэ» – это дастан о том, кто искусно катит мяч Единства посредством энергии ума, меча, любви и слова. Стремление к «вахдат ал-вуджуд» и воссоединение с ним, растворение в нём и есть путь Бахрама.

Иными словами «Бахрамнамэ» – это путь к Аллаху, тарикат Бахрама, его суфийский путь; путь к самому себе; путь достижения Истины. Истина тариката в том, что, познавая себя, Бахрам избавляется от себя в телесной, земной оболочке, изничтожается, отходит в иной мир и увековечивается в небытии.

Низами тоже единственный, Низами один в своем роде: такого не было, нет, да и не будет! Если Аллах поэзии – это Низами, то его «Хамсэ» – это святыня словесного достояния, Мекка словесного творчества.

НИЗАМИ – ЭТО «ВАХДАТ АЛ-ШУАРА», Т.Е. ЕДИНСТВО ПОЭТОВ.

Вот такова преамбула моей статьи, которую я намеревался дифференцировать как «Нат’и-Низами» (Хвалебная ода в честь Низами), где эссеистика вперемежку с риторическим слогом создаёт некую атмосферу приветствия, адресованного всем низамоведам.

Последующая же за этим часть задумана как герменевтическая интерпретация и научный анализ литературного текста вне пафосного восточного слога.

«СЕМЬ КРАСАВИЦ» КАК ДВОРЦОВЫЙ ДАСТАН

В литературоведении Азербайджана «Семь красавиц» известна как одна из составляющих поэм «Хамсэ» («Пятерицы»), принадлежащей перу Низами. Насколько уместно использовать понятие «поэма» в данном контексте? Согласно какой логике и в силу каких особенностей «Бахрамнаме» («Жизнеописание Бахрама») и прочие произведения Низами считаются поэмами? Разве поэма может быть такой объемной, длинной и, проще говоря, такой большой?

Представляю направленные на меня вопрошающие взгляды и предвосхищаю их встречным вопросом: а разве правильно называть «Илиаду» и «Одиссею» эпическими поэмами? Нет, неправильно: это ошибка классификации в теории литературы и только. Разве Гомер не считался ашугом-аэдом, слагающим эпопеи в стихотворной форме, т.е. дастаны? Наверняка, многие знают, что в литературных кругах «Евгения Онегина» А.С.Пушкина не называют «поэмой»: они говорят, и я всего лишь выражаю мнение русских учёных, что «Евгений Онегин» – это роман в стихах. Превосходная филологическая дефиниция: жанр и форма произведения зеркально отражают суть.

«Хамсэ», написанная Низами Гянджеви, также является таким сборником дастанов (обратите внимание: не поэм, а именно дастанов), помещенных в шаблон **месневи**¹, выстроенных в стиле классического стиха и визуализированных как текст художественной книги. Он преображал свои идеи, размышления и дидактические истории в дастаны и адресовал их именно дворцовой публике, а не народу. Поэтому он не воспользовался конструкциями эпических народных повествований – дастанов, которые сочиняли и пели азербайджанские ашуги. Хотя между дворцовыми и народными дастанами такой большой структурной разницы нет: в народном дастане всегда найдется место и для поэтического выражения, и для рассказа, и даже для драматического диалога.

В Азербайджане теория литературы, являясь продолжением советской филологической традиции, заявляет, что месневи – это вид классического стиха, создаваемый с целью описания новелл большого объема и исторических событий эпического масштаба, и выстраиваемый из многочисленных бейтов (двустуший), рифмованных только в пределах своих двух строчек. В таком случае при употреблении понятия «месневи» пропадает потребность в слове «поэма».

На самом деле в мусульманской культуре Средневековья месневи являлся способом изложения в стихотворной форме мифов, дастанов, легенд и сказок, потому что МЕСНЕВИ, ПО СУТИ, ЗАМЕНЯЕТ ЖАНР ПОЭМЫ В КЛАССИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ ВОСТОКА. НЕ ЗРЯ МЕСНЕВИ НАЗЫВАЮТСЯ КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ И НОВЕЛЛЫ, НАПИСАННЫЕ В СТИХАХ. Весь мир отзывается о стихах Руми как «Месневи Мевланы». Тут **месневи** переступает границы шаблона, формы, изображения и воспринимается уже как жанр, как поэма в поэзии Востока.

¹ Мир Джалал, Халилов П. Основы литературоведения. – Баку, Маариф, 1972. – стр.128-129.

Однако дастан нельзя называть месневи. ИБО МЕСНЕВИ МОЖНО КЛАССИФИЦИРОВАТЬ КАК ПОЭТИЧЕСКИЙ ЯЗЫК ДВОРЦОВЫХ ДАСТАНОВ. Дворцовые дастаны Средневековья писались на заказ как хвалебные оды шаху, за конкретную сумму оплаты согласно определенному уговору. Чтобы звучать достойно шахов и султанов, эти дастаны должны были исполняться в стихотворной форме, в формате месневи, поскольку они считались нравственно-интеллектуальными украшениями дворца и ценились как художественный факт своего времени. Для чего это было нужно?

Прежде всего: шах или султан стремился увековечить себя, тиражировать свой имидж, повысить свой рейтинг и утвердиться в художественном документе современности в качестве восхваляемого, справедливого, нравственно обогащенного, знающего правителя и щедрого рыцаря.

Во-вторых: возможно, дворцовая элита народные дастаны считала грубыми и примитивными и хотела выдвинуть в качестве замены свой альтернативный вариант. И «Семь красавиц» – это всего лишь один из таких дворцовых дастанов.

О боже, какой еще «дворцовый дастан»? Разве такое возможно? Дворец и дастан две вещи несовместимые! Не будем торопиться: попытаюсь разъяснить все по порядку. Прежде всего отмечу, что Низами сам многократно сообщает, что собрал в «Бахрамнаме» дастаны из разных мест, и напоминает, что, приведя мысли в порядок, он нанизывал их, как жемчуг на нить. Тут и русские переводчики допустили небольшую ошибку, переведя слово «дастан» на свой язык словом «сказка» и приблизив произведение Низами к русской речи Пушкина, к пушкинской поэзии. Неверный шаг. Это не поэма, не сказка: «Хамсэ» Низами – это **букет дастанов, использованных в стихотворной форме месневи**, и эта традиция исходит от произведения «Шахнамэ» дастанописца Абульгасыма Фирдоуси, который «связал» его из 60 тысяч бейтов (двустуший). Пусть слово «дастанопи́сец» вас не удивляет: просто такие поэты мусульманского Востока, как Фирдоуси, Низами, Навои, Дехлеви и прочие, всегда складывали для зажиточных слоев общества длинные авторские дастаны в формате месневи на основе известных тем истории и мифологии, следуя по стопам слепого Гомера. Кстати, древнегреческая мифология и философия оказали большое влияние на «Бахрамнаме».

Пока я писал свой опус, я заметил в «Әдәбиyyәт газети» («Литературная газета») статью¹ одного из превосходных интерпретаторов и исследователей наследия Низами в контексте коранических сур и аятов Сираджеддина Хаджи, который называет «Сокровищницу тайн» дастаном и настойчиво использует этот термин. Я был очень обрадован и почувствовал некоторую уверенность в своих рассуждениях.

Несомненно, Низами – дастанопи́сец, философ-комментатор и интерпретатор мифов и сказок, создатель новых вариаций и философ-импровизатор, который переводит образцы устного народного творчества в контекст письменной литературы в соответствии с тенденциями, художественно-эстетическими орнаментами и интеллектуальными играми мусульманской культуры Средневековья. Поэтому нарекание произведений Низами поэмами является примитивизмом, профессиональной некомпетентностью и грубой ошибкой.

Почему я так радею за классифицирование произведений Низами не как «поэм» или «эпических поэм», а как дастанов? Только ли потому, что Низами сам постоянно использует понятие «дастан» и даже называет «Началом дастана» отрывок, в котором представлена дата рождения Бахрама? Только ли потому, что в Средние века теории поэзии мусульманского Востока не было знакомо понятие «поэма»?

Вовсе нет! Суть спрятана глубже. Дело в том, что если отложить на время в сторону прочие произведения Низами, «Бахрамнаме» по своей архитектурной структуре, полисемантической, широкому культурологическому и мифологическому охвату

¹Хаджи С. Познавай мир, чтобы не обмануться / Литературная газета. – 2 мая 2015 г. стр.7.

и актуализируемой системе знаний представляет собой явление не поэтического, а именно ЭПИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ!!! Для того, чтобы «Бахрамнамэ», предназначенный не для народа, а для дворцовой публики, как говорится, для элитных слоев и элитной культуры, был принят ими, Низами должен был написать этот дастан виртуозным стихом в виде месневи в соответствии с религиозным этикетом, ценностями и законами ислама, сочетая масштаб эпоса с книжной графикой и минимализмом миниатюр. Месневи переводит дастан в книжную форму, «рассекает» его на бейты и форматирует для элитной культуры. Не сомневайтесь в этом: Низами был посредником, проводником между народом и дворцом, и для исполнения этой миссии он мог влюбить дворцовую знать в дастан только посредством гибкости и сладостного журчания месневи.

Изучая «Бахрамнамэ», я всецело в этом убедился; убедился, что это произведение однозначно является дастаном чистой воды и в его структуру добавлен ряд сказок и новелл, вернее, они «растворены» в композиции дастана.

Вдобавок к этому, само по себе название «Бахрамнамэ» можно перевести как «Письмо о Бахраме», «Биография Бахрама» либо «Дастан о Бахраме». Такое понимание обусловлено тем, что все основные качества героя дастана сконцентрированы в Бахраме: если Бахрам, заснув, не получает во сне божий дар как дастанный герой, то положение, композиция небесных светил выдают его за божьего помазанника; т.е. планеты и звезды уже во время рождения избирают этого младенца героем. Он – **богатырь планетарного масштаба**. Бахрам обладает недюжинной силой; он со сверхъестественным мастерством одерживает победы над сверхъестественными существами, умело восхищает всех, умеет понимать животных, является объектом славы среды народных масс и, пусть с опозданием, но старается восстановить справедливость. С этой точки зрения это произведение перекликается с дастанами о героизме, а в чем-то – даже со сказками о богатырях и с греческой мифологией. «Бахрамнамэ» в целом «дышит» параметрами эпоса.

Действительно, это произведение включает в себя все существенные значения понятия «дастан»¹. Правда, в структуре народных дастанов не сообщается, с какой целью создано произведение и кому оно посвящено, равно как и не отводятся специальные главы о «Восхвалении пророков», «Вознесении пророков» или «Хвалебном слове». В то время, как в каждой песне «Книги Деда Горгуда» («Китаби Деде Горгуд») либо с благоговением вспоминают пророка Мохаммеда, или же просят у него прощения.

Еще один важный штрих: штрих, более четко показывающий, что «Бахрамнамэ» – не поэма, а дастан. Этот штрих состоит в утверждении кровного родства между мифом и дастаном. Так, например, рассказывая свой дастан, Низами постоянно окунает Бахрама в мир мифологии. Вернее, Низами **«БАХРАМИЗИРУЕТ»** архетипичные события, свойственные мифам, заключает их в рамки исламского мироощущения. Подобно Кадму, Эдипу и Зигфриду, Бахрам побеждает дракона, овладевает сокровищами, сражается со львом, подобно Гераклу (сражает одного стрелой, забирает корону промеж двух), выступает с 300 воинами и одерживает победу над Китайским хаганом.

Тут же возникает вопрос: почему именно триста? А потому, что доблесть трехсот спартанцев в сражении при Фермопилах в греко-персидской войне в 480 г. до н.э. была историческим событием, и Низами, несомненно, знал об этом. Низами хотел приравнять победу Бахрама к героизму легендарных 300 спартанцев, направить это событие из жизни Бахрама в мир мифов. Выходит, что Низами, зная настоящую историю жизни Бахрама, превращает ее в миф в параметрах дастана, отождествляет своего героя с супергероями (греческий Кадм, убив дракона, посеял его зубы вместо

¹ См.: Тахмасиб М. Избранные произведения 2 тома / Народные дастаны Азербайджана. – Том I. – Баку, Китаб Алями, 2011. – стр.62-424.

семян в землю, и из них «взросли» спартанцы, т.е. новые воины). Эти спартанцы и являются потомками тех самых возвращенных из драконьих зубов воинов. Здесь 300 воинов Бахрама воспринимаются в качестве прямого указания на 300 спартанцев. Низами имел право провести подобную параллель, поскольку Сасанидский правитель БАХРАМ V ВЗОШЕЛ НА ТРОН РОВНО ЧЕРЕЗ 900 ЛЕТ ПОСЛЕ СРАЖЕНИЯ ПРИ ФЕРМОПИЛАХ, и гениальный Шейх истолковал это как некий знак.

Как видите, дастан подобен кипящим в одном котле мифам, легендам и историям: дастан является котлом эпической ниши литературы, в котором все жанры и виды подчиняются именно эпическому повествованию.

В этом ракурсе слова ученого-фольклориста Магеррама Джафарли очень точно подходят к идейному контексту моей статьи: *«Дастан является эпически кодированным представлением, эпическим оформлением реальности и мира. С этой точки зрения мир, представленный дастаном, не является фотографическим изображением действительности»*¹, а является эпической действительностью со своим магическим реализмом.

Однако я также признаю, что сегодня «Илиада» и «Одиссея» расцениваются как код исторических изысканий со времен Генриха Шлимана, даже в чем-то – как кодированная карта археологических раскопок.

Вот и Бахрам Гур (как первого идеального охотника на онагров его прозвали Гуром) в координатах «Семи Красавиц» живет и умирает (уходит в небытие) не в реальном историческом временном измерении, а в мифопоэтическом мире дастана, внутри дастанного хронотопа. Здесь Низами вместо кода поэтического описания больше активизирует код эпического описания: повествование превосходит образно-поэтическое выражение переживаний и настроений героя. Ибо «Бахрамнамэ» – это героический дастан; однако его можно также подвести под определение астрального дастана, символического дастана, входящего в серию «дастанов о любви». Конечно, можно: условно возможно все. Однако это не тот случай.

«Семь красавиц» не является героическим дастаном потому, что героизм Бахрама, в основном, служит ему самому; с практической точки зрения, он никого не спасает целенаправленно, не сражается ради кого-то.

«Семь красавиц» не является любовным дастаном потому, что только две главы «Бахрамнамэ» посвящены истории любви персонажа к Фитнэ, и, по сути, Бахрам не испытывает никаких любовных переживаний с семью красавицами.

«Семь красавиц» не является астральным дастаном, поскольку к концу произведения астральные события в жизни Бахрама затихают, влияния космоса на мотивацию поступков героя не отмечается: иными словами, космос отходит на задний план.

«Семь красавиц» не является нравственно-поучительным дастаном, поскольку Бахрам фактически не пребывает в семейных отношениях; его общение с родителями и близкими сокрыто от нас; читателю это сообщается лишь косвенно, почти телеграфным методом.

Тем не менее, в «Бахрамнамэ» предостаточно особенностей всех этих видов дастанов, включая также и символические дастаны (сакральные цифры и знаки).

Однако при всем этом необходимо определиться с дастанной типологией, жанровой типологией «Бахрамнамэ».

Сначала давайте применим инновационную идею, чтобы сломать печать теории о дастанах, общепринятой в филологии Азербайджана, и перейдем в плоскость новаторского мышления. Для утверждения верности этой мысли я бы хотел рассмотреть значения слова дастан, ссылаясь на М.Тахмасиба, поскольку моя инновационная идея, по сути, запрограммирована в высказываниях М.Тахмасиба:

¹ Джафарли М. Структурная поэтика дастанов Азербайджана. – Баку, Нурлан, 2010. – стр.30

«Например, согласно сведениям, предоставленным Б.Миллером (автор фарсидско-русского словаря – А.Т.), слово «дастан» означает и сказку, и повесть, и роман. В широком смысле, это слово носит значение «художественное произведение» ... Как известно, наши классики применяли это слово в значениях «история, рассказ, повесть, приключение, биография» и даже «историческое событие». В то же время этому слову также придавались значения «сказания, народного романа, народной книги. И, наконец, что важнее всего, дастан – это жанр ашугской литературы»¹.

Прекрасно: в целом, исследования, проведенные М.Тахмасибом для широкого охвата классификации дастанов, чем-то напоминают таблицу Менделеева.

Сейчас я хочу как бы заполнить одну из пустующих ячеек этой таблицы и обновить наше понимание дастана. По их типологии я подразделяю дастаны на две категории: **1) народные дастаны; 2) дворцовые дастаны.**

Их роднит и объединяет множество параметров: и те, и другие, являясь продуктом эпического мышления, раскрываются из эпического кода. Народные дастаны анонимны, являются образцами устного литературного творчества; а дворцовые дастаны принадлежат к письменной литературе, являются формой дворцовой литературы и создаются конкретными авторами для интеллектуальной элиты, к которой принадлежат также шахи и султаны. Если в народных дастанах связь между событиями и персонажами сюжета является очень важной особенностью, то в дворцовых дастанах преобладающая роль принадлежит отношению самого автора к событию, герою и его поступкам.

В народном дастане ашуг – это неистовый сказитель, рассказчик-актер-импровизатор, служащий интересам слушателя-зрителя, а в дворцовом дастане поэт выступает аналитиком, философом, осуществляющим подход к своему герою через призму различных ценностей в плоскости интеллектуальных игр; и, в отличие от ашуга, этот исследователь-аналитик-философ-поэт никоим образом не отождествляет себя со своим героем, а всего лишь, отстраняясь от него, как от грезы-мифа, наблюдает за ним из-за кулис, не подпуская его близко ни к себе, ни к читателю, сохраняя его в статусе живого примера жизненного урока.

Дворцовый дастан придает истории мифический окрас.

Народный дастан пытается убедить всех в реальности мифологии, переплетая линии мифа и быта.

А в дворцовом дастане быта нет: только лишь антураж и декорации.

Народный дастан иллюстрируется легкими песнопениями ашугов.

Дворцовый дастан подобен мугаму, исполняемому на фоне ярких, красочных миниатюр.

В народных дастанах поэзия граничит с прозой, а дворцовые дастаны пишутся исключительно в формате месневи; т.е. они, если так можно выразиться, являются отточенными, отполированными дастанами.

Таким образом, по моему мнению, «Семь красавиц» по своей типологической классификации является дворцовым дастаном, написанным о Бахраме. По своему жанру «Бахрамнаме» является образцом фантастической литературы, классической моделью современного жанра фэнтези. Иными словами, **«Семь красавиц» – это дворцовый дастан, написанный в жанре фэнтези и в ключе магического реализма.** То же самое можно сказать и об «Илиаде» и «Одиссее» Гомера. Знаю, что мне моментально возражат, что во времена Низами жанр фэнтези еще не существовал и даже не был в процессе формирования. Согласен. Однако есть один момент. Традиции и поэтика жанра фэнтези, утвержденные в литературе и кинематографии 20-го столетия, происходят от эпических и приключенческих романов Средневековья: здесь мотивы мифов и сказок словно вновь активизируются в новой интерпретации в обновленном воображении фантаста.

¹Тахмасиб М. Указанные произведения, стр.62.

При таком подходе «Бахрамнаме» и сам предстает перед нами приключенческим романом в стихах, и описываемые в нем приключения (а не история Бахрама) не имеют никакой связи с реальным миром; всё орнаментировано, овеяно атмосферой сверхъестественности; всё эзотерично. А это является важной особенностью жанра фэнтези. Именно поэтому фигура Бахрама V просматривается сквозь сплетение многочисленных мифов, религиозных легенд и сказок, переплетенных друг с другом, как змеи. Но в то же время нельзя забывать, что все дастаны по своей сути – приключенческие и базируются на приключениях. **«Бахрамнаме» – приключенческий дастан эзотерического мира.**

Мир, описываемый в «Семи красавицах», является гипотетическим; это мир, параллельный реальности, в нем можно встретиться и с мифическими существами, и с колдовскими чарами, и с волшебством, и с чудом в контексте приключений. Герой дастана Бахрам словно постоянно движется по тропе между реальностью и сном, миром реальным и параллельным. То, что Бахрам пригвоздил одной стрелой льва к его жертве, убил дракона, пришил ногу онагра к его уху, забрал корону, лежащую меж двух львов, а потом молча и жадно внемлил рассказам о судьбах персонажей параллельного мира в семи сказках семи красавиц указывает на то, что Бахрам был путником среди миров. Даже в его уходе в небытие можно проследить этот намёк.

В «Бахрамнаме», вдобавок к прочим своим качествам, Низами также показывает себя писателем-фантастом и поэтом-дастанописцем, применяющим коллективные универсальные паттерны и содержание коллективной бессознательности.

Всё это позволяет заключить, что **«СЕМЬ КРАСАВИЦ» – ЭТО ДВОРЦОВЫЙ ДАСТАН В ЖАНРЕ ФЭНТЕЗИ; ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ЭЗОТЕРИЧЕСКИЙ ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ ДАСТАН!**

МИСТИКА ЦИФР И ЦВЕТОВ

Работы Низами – это не только дастаны, но и сокрытые божественные скрижали, системы знаков и знамений, астрологические карты, матрицы, жемчужные ожерелья, брошенные в тьму пространства. Такие ожерелья, что каждая из их жемчужин семантизируется по-своему, и по-своему, своеобразно озаряется.

Известно, что «Бахрамнаме» – это истинное и основное название дастана «Семь красавиц», увековеченное¹ даже на каменных оттисках времён Средневековья. Лишь один раз, и то в «Искендернаме» («Жизнеописание Александра»), как бы предоставляя краткую справку о своем творчестве или, возможно, отчитываясь о нём, Низами пишет о том, что после произведений «Сокровищница тайн» («Мехзен ул-асрар»), «Хосров и Ширин», «Лейли и Меджнун» он направил своих коней в сторону «Хафт пейкяр». Вот и всё, больше ни слова; больше нигде Низами не называет «Бахрамнаме» «Хафт Пейкяр». Я так полагаю, что даже в «Искендернаме» Низами упомянул это, имея в виду именно планеты, и словами «хафт пейкяр» он всего лишь намекнул на «Бахрамнаме», а не «окрестил» свое произведение новым именем.

Этот упомянутый мною факт давно считается в низамиведении ясным делом: то есть, всем низамиведам это известно; известно, что «Хафт пейкяр» – это что-то вроде прозвища, клички для «Бахрамнаме»; известно, что в переводе с фарсидского «хафт» значит семь, а «пейкяр» может иметь значение «звезда, планета, портрет, фигура, статуя», и семантический спектр этого слова может охватывать ещё много других значений вдобавок к указанным выше. Однако, как ни странно, именно под названием «Семь красавиц», т.е. «Хафт пейкяр», «Бахрамнаме» стал известен и завоевал славу в восточной поэзии и в мировой литературе, и превратился в эмблему пятерницы – «Хамсэ».

¹Алиев Р. Пояснения / Гянджеви Н. Указанное произведение, стр. 302.

«ПЯТЕРИЦА» ВЫСТУПАЕТ ПОД СИМВОЛОМ «СЕМЬ»!

Тавтология, которая проскользнула в статью в данном блоке, связана с авторским намерением. Дело в том, что в исторической плоскости замена названия «Бахрамнамэ» на «Хафт пейкяр» («Семь красавиц») обусловлена, на мой взгляд, мистикой цифры семь. Правда, я не исключаю и иных причин, таких, как простота произношения, полисемантичность и «провокационная» особенность слова «красавица». Однако во всех случаях влияние слова «семь» чрезвычайно большое...

Потому что «Бахрамнамэ» – это гармоничное целое, великолепный дворец из слов, базирующийся на **СЕМИ** и «сцементированный» семерками, очудесненный семерками, закодированный семерками семицветный космос. В «Бахрамнамэ» цифра семь повторяется **90** раз, имя Бахрам – **192** раза, а слово Аллах – **45** раз. Случайность ли это, или точное вычисление, заранее выработанный план, зашифрованный скрытый смысл, или же цифровое выражение сути?

Не будем пока переходить к 9, остановимся на 7.

Приведем краткий научный анонс касательно семантических вариаций цифры 7 в эзотерике: у человека 7 телесных оболочек. Человек – создание с 7 отверстиями; тело человека управляется 7 чакрами; у человека 7 основных внутренних органов (сердце – Солнце, мозг – Утарид (Меркурий), легкие – Луна, печень – Муштари (Юпитер), желчный пузырь – Маррих (Марс), селезенка – Кейван (Сатурн), почки – Зухра (Венера), каждый из которых находится под покровительством одной из 7 планет¹ Тайна всегда сокрыта за 7 печатями (завесами); жертвенное мясо предназначено для раздачи по 7 адресам. В средние века обходились всего 7 (видимыми) планетами и 7 типами климата. Есть 7 проявлений Будды; 7 нот; 7 цветов; в септимере 7 ступеней; 7 – это символ бога Осириса в Древнем Египте; у Шумеров 7 – знак Вселенной; Кабу обходят 7 раз; Будда попадает в безвременность и беспространство, пройдя 7 сфер космоса семью шагами; в неделе 7 дней, которые составляют одну из 4 семерок месяца (28, т.е. лунного календарного месяца); путь суфиев – тарикат – состоит из 7 остановок; дракон – семиглавое мифическое существо; 124 (1+2+4) тысячи пророков составляют три семерки, т.е. в абджаде² число 124 равно 777³; в раю 7 небес, в аду 7 кругов (дверей); в исламской мифологии история Вселенной исчисляется 70 тысячами лет; 70 тысяч адских городов; в каждом городе 70 тысяч адских домов; в Вавилоне Вселенную считали единством 7 миров; пророк Мохаммед пришел в этот мир через 7 тысяч лет после создания мира; и т.д., и т.д., и т.п...

Судьба Бахрама в версии Низами тоже зависит от семи, определяется семеркой, восходит до размеров Вселенной. Он – чтец семи: иными словами, ему предначертано 7 героических поступков, семь подвигов и, естественно, семь препятствий (испытаний). При отсутствии реальных препятствий будет ли потребность в храбрости? Если нет препятствий, нет и геройства: одно является условием для второго. Лишь преодолевший препятствия-испытания человек получает статус героя.

Бахрам представлен как «хафт-хан» (чтец семи), потому что автор хочет сравнить его с героями «Шахнамэ» Фирдоуси, приравнять его силачам Ирана и Турана. «Хафтхан» дословно значит «чтец семи», а символическое значение слова указывает на богатыря-героя «преодолевшего семь препятствий»: в абджаде численная сумма «хафтхан» составляет 674, т.е. 6+7+4, т.е. 17. Дело в том, что в абджаде «хафт» (семь) равен 17. А это значит, окончательный результат не изменится независимо от того, добавишь ли к слову «хафт» глагол «хан» (а точнее: «хван») или нет.

¹Бертельс А.Е. Пять философских трактатов на тему «Афак ва Анфус» М., 1970.

²тип фонетического письма, передающий только или преимущественно согласные звуки; система обозначения чисел с помощью арабских букв и сопряженная с ней возможность нахождения суммарного числового содержания слов, написанных арабскими буквами

³Эльбрус А. Поэтика и математика. – Баку, Элм, 1979. – стр.137.

И вот почему:

*Дом один, дымоходов семь, дверей три,
Он сам вместе с ахли-бейтом – семь.*

Значение этого двестишия Насими таково в эзотерике: земля – наш дом, семь планет – дымоходы нашего дома, три религии – двери жизни, Он, т.е. пророк Мохаммед, сам вместе со святым семейством составляет семнадцать, а это снова намёк на слово «хафт».

Как было отмечено выше, слово «семь» употреблено в «Бахрамнамэ» ровно 90 раз: это значит 90 раз 7. Умножаем девяносто на семь и получаем 630. Записываем результат в виде $6+3+0$ и получаем 9. Девять плюс семь равно 16, а $6+1$ опять даёт в итоге 7.

Если 90 приумножить на 7 получится 630. Что ещё это означает? Можно представить 630 как $63+0$? Вполне. Тем более, что 63 – это возраст пророка Мохаммада. А в каком возрасте исчез Бахрам?

К концу дастана Низами написал одно предложение, связанное с возрастом его героя. Это было в момент, когда Бахрам-шах раздаривает купола жрецам, поджигает арки и покидает дворец. Вот тогда Низами сообщает, что шаху было примерно 60 лет. Сколько точно – мы не знаем. Но для познания сути событий есть необходимость и возможность уточнить это. Правда, согласно параметрам дастана, раскрывающегося из эпического кода, не принято вопрошать о возрасте героя, храбреца, богатыря, потому что в мифопоэтической реальности возраст не имеет никакого значения. Однако в «Семи красавицах» Низами все же посчитал нужным часто напоминать читателю некоторые факты об интенсивности истечения годов Бахрама.

По настоянию звездочетов и отца Бахрама, иранского шаха Ездегирда, шах Нуман (правитель арабского племени Лахамийун, ан-Нуман ибн Имру ал-Кайс I, был известен под прозвищем Одноглазый Нуман или Паломник Нуман, который правил примерно в 400-418 гг.) отвозит Бахрама в Аравию еще младенцем, чтобы преподать ему уроки шахства и научить правилам Хосрова (читайте: Бахрам в качестве инварианта Хосрова). Почему я говорю «еще младенцем»? Потому что в дастане упоминается один молочный брат Бахрама: и его тоже зовут Нуман. Это сын Мунзира – Нуман. Если Бахрам – молочный брат Нумана, то их одновременно кормила одна и та же кормилица. Этот факт подтверждает, что при приезде в Аравию Бахрам был младенцем и вскармливался кормилицей. Однако надо принять во внимание и другой факт. Понятное дело, что в древние времена матери не отрывали младенцев от груди годами, и дети кормились грудным молоком до 3-5 лет (в исключительных случаях даже дольше). Для оповещения Нумана I Ездегирд ждет появления на небосводе Аравии звезды Сухейль. Если принять в расчет время, потраченное на оповещение, на приезд Нумана в Иран и его возвращение, то это указывает на истечение значительного срока после рождения Бахрама. Построив расчеты на этой логике, узнаем, что по приезде в Аравию Бахраму было приблизительно 2-3 года.

Лишь по прошествии 4 лет (4 весны и 4 осени) шах Нуман, которому доверили опеку над Бахрамом, распорядился о строительстве дворца Хаварнак (название замка близ Куфы) под руководством зодчего Симнара. Местом строительства был выбран уголок с прохладным воздухом и прекрасной природой, чтобы Бахраму не был нанесен вред или ущерб, чтобы он был здоров и не страдал от жары и влажности.

Если рашифровывать имя Симнар (в истории Симминар) как «си минаре», это значит «30 минаретов», а если как «симин нар», то «серебристое пламя». Не зря Низами пишет в дастане «*Нуман загорелся пламенем Симнара*». «Серебристое пламя» означает Солнце. Я считаю этот вариант значения более подходящим, потому что имя ученика Симнара, воздвигнувшего великолепные семицветные купола, тоже заимствовало у Солнца: ведь означающее «яркий» фарсидское слово «Шиде» про-

изошло от слова «Хуршид» (на фарси – солнце). И слово Шиддет (пик эмоционального состояния или явления) тоже произошло от Хуршид: Шиде можно охарактеризовать как более впечатляющий, более изысканный вариант Симнара. Таким образом, построенный им семицветный семикупольный дворец по всем своим компонентам превосходит дворец Хаварнак, возведенный Симнаром.

Сколько Бахраму было лет, когда началось строительство дворца Хаварнак (на фарси: Хевернег)? Я полагаю, что 7 (3+4 – то есть, до 3 лет он питался молоком коровы, а в последующие 4 года стал «гуром», превратился в онагра). Именно в этом возрасте Бахрама Нуман загорается идеей о строительстве Хаварнака. Ведь в восточном мире детей с семи лет начинают привлекать к воспитательно-образовательной работе, приучая их к получению навыков жизни и познанию сокровенных истин. И Хаварнак строится именно с этой целью – чтобы провести Бахрама через подростковый период взросления и проводить его в мир взрослых, т.е. **Хаварнак есть своеобразный дворец для инициации.**

Хаварнак появляется как **личный мир Бахрама, дом его существования, как архитектурное воплощение его образования, его сущности.** Симнар завершает строительство дворца за **пять лет.** А это указывает на то, что Бахрам вступает во дворец Хаварнак ровно в 12 лет, и с тех пор этот дворец превращается, если так можно выразиться, в резиденцию принца и становится для него моделью мира. То есть даже не покидая дворца, можно познать мир и выработать в себе отвагу.

Для Бахрама Хаварнак – это как мир внутри мира, и этот мир зеркально отражает его личность, демонстрирует и архивирует его героизм. Одним словом, Хаварнак постепенно **БАХРАМИЗИРУЕТСЯ:** в том смысле, что дворец иллюстрирует жизнь Бахрама, музейно хранит скрытые кадры-эпизоды, поскольку Мунзир поручил изобразить подвиги Бахрама на стенах Хаварнака!

Есть еще одно доказательство верности моих предположений о 12-летнем возрасте героя. Имя Бахрама в произведении упоминается 192 раза, и это неслучайно. Таким образом, 192 как 1+9+2 дает в результате 12. Этот факт указывает на то, что путь планет, покровительствующих Бахраму, все время проходит через 12 знаков зодиака, то есть всю свою жизнь Бахрам приговорен скакать на своём коне по пути своих планет от зодиака к зодиаку. С другой стороны, это можно также истолковать тем, что именно в возрасте 12 лет Бахрам выходит из периода детства и начинает познавать себя и свой мир, становится самостоятельным, переживает свой подростковый период. С переездом в Хаварнак наступает «звезда героизма» Бахрама. В этом смысле **ХАВАРНАК СЛУЖИТ БАХРАМУ МЕСТОМ ИСПЫТАНИЙ!**

В средневековой культуре Востока образование всегда носило характер испытания и включалось в инициацию. Несомненно, наряду со своим основным предназначением, дворец Хаварнак был также и местом испытаний. В этом великолепном дворце-мире-музее-школе-доме испытаний Бахрам вместе с сыном Мунзира Нуманом постигает науки, изучает тайны планет и звезд, овладевает арабским, фарсидским и греческим языками, учится ездить верхом, играть в поло, выхватывать мяч судьбы из ее рук, т.е. побеждать небеса, загонять солнце в свои игровые ворота, метать копье и стрелы, иными словами, здесь он совершенствуется на платформе спектрального развития. Это можно назвать процессом как обучения, так и испытания, и, согласно моим предположениям, этот период длился 7 лет. Если с 7 до 12 лет Бахрам получил 5-летнее образование, а в Хаварнаке учился 7 лет, то на охоту он впервые отправился в возрасте 18-19 лет. И еще: хочу официально заявить, что для традиционной системы образования стран Востока 12-летний срок обучения вполне закономерен. Почему я так настойчив в своих предположениях и расчетах? Конечно же, потому, что опираюсь на сведения, взятые у самого Низами. Отправляя своего героя на охоту, Шейх аш-Шуара посчитал нужным забросить в мысленную партитуру дастана следующие строки:

*Когда озарилось лицо Бахрама,
Йеменская кожа лишилась сыроватости,
Это глубоко обрадовало Мунзира
Так, как блестит кожа под звездой Сухейль.*

(подстрочный пер. автора)

Это – очевидное указание на то, что Бахрам прошел испытание, достиг 18-летнего возраста и определенного уровня совершенствования. Поэтому в философском словаре суфиев слово «хам» (сырой) понимается как указание на духовное состояние «мухиба» (неофита, новообращённого). По этому поводу достаточно процитировать Мевлану: «Я был сырой, зажарился, сгорел». Не вижу необходимости в большей детализации: все ясно – это уровни совершенствования души. На самом деле фраза «Йеменская кожа лишилась сыроватости» сообщает об избавлении Бахрама от признаков подросткового периода, о его вступлении в мир мужчин и избавлении от грубости, неопытности, неученья, одним словом, от незнания. А наградой, подарком за это стала, конечно, охота и возможность продемонстрировать героизм на охоте.

Не зря по завершении теоретических занятий во дворце Хаварнак, началом практического опыта для героя становится клеймение онагров и пощада над онаграми младше 4 лет. Запрещено убивать онагров до того, как они проживут 4 весны и 4 осени. Обратите внимание на то, что Низами гипотетически отождествляет Бахрама с онаграми: ведь Бахрам прожил в Аравии 4 года до того, как для него построили Хаварнак. В контексте дастана к Бахраму словно «присовокупляются свойства» онагров. Слово «клеймить» в этом контексте неслучайно: этим клеймом Бахрам будто «приватизирует» всех онагров; когда кто-то будет охотиться на них, то, увидев клеймо, поймет, кто настоящий владелец и повелитель онагров.

Клеймение онагров понимается как оттачивание охотничьих навыков (именно об этом Фитнэ напомнит Бахраму далее в тексте дастана), охотничья практика и есть фундамент всех подвигов Бахрама. А этот процесс требует времени. Поэтому я определил, что для достижения мастерства в деле клеймения онагров Бахрам потратил 3 года.

Значит, Бахрам уже должен быть примерно 21-летним храбрецом. Его следующим подвигом будет победа над драконом и получение клада (здесь: власти), а также прозвища «Гур». В мире мифопоэтического дастана нам кажется, что герой ежедневно совершает подвиги и, словно не старея, живет во вневременном измерении.

Это один из законов мифопоэтического мира, мира сказок: никто не ощущает течения времени. А в дворцовых дастанах время периодически демонстрирует свою власть, разбивая в осколки стекла мифопоэтического мира. Однако, рисуя Бахрама героем эпоса и описывая его подвиги в дастане, Низами все же не забывает вести счет годам, а также проводить параллели между мифом и реальностью. Этим я хочу отметить, что каждый подвиг Бахрама в мифопоэтическом времени дастана – также и определенное реальное время.

Слежение Бахрама за самкой онагра, убийство дракона, овладение сокровищницей (и перенос во дворец сокровищ объемом до 300 верблюжьих вьюков) являются событиями, переживаемыми в длительном разрезе времени. Разве человек убивает дракона каждый день, или каждый день находит клад? Это победа, праздник, веселье, разгульные пиршества – тема, достойная дастана, пересказа из уст в уста, как благосклонность онагра к Бахраму за свою спасённую жизнь. Потому я выделяю примерно еще 1 год на этот подвиг Бахрама. Таким образом, Бахрам достигает 22 лет. Будучи сыном Ездегирда, жить в царстве другого шаха (это исторический факт) и в юном возрасте убить дракона – разве это не напоминает Эдипа из греческой мифологии? Разве выкалывание Бахрамом драконьего глаза не указывает на схожие события с Полифемом и Циклопом?

Последующие события, когда Бахрам увидит во дворце Хаварнак портреты семи красавиц, получит известие о кончине своего отца Ездегирда, соберет войска в Иран, проведет переписку с иранцами, заберет корону меж двух львов и, наконец, взойдет на престол – в ритме V столетия этот процесс займет, наверняка, всего около 5 лет. Расположение короны между двумя львами – не случайность, не игра и не трюк, а предначертание астральной карты. Дело в том, что Бахрам родился под знаком Льва и взошел на трон в созвездии Льва. Кроме этого, львы – символы власти, силы и неустрашимости, заимствованные из античной культуры, поскольку в Древней Греции два льва считались хранителями государства.

Получается, что Бахрам взошел на трон Ирана в 27 лет. А это значит $2+7$, в результате – 9. Опять 9 ($90=9 \times 10$; $45=9 \times 5$)!

Таким образом, надев семиокий пояс, 27-летний Бахрам восходит на семиступенчатый трон Ирана, и Низами начинает повествование о его справедливости, щедрости, создании идеальной государственной структуры, где совместно порхают в полете сокол с голубем, где шах после шестидневных утех и развлечений работает всего лишь день, и о популярности шаха среди народа. Вопрос: сколько лет могло понадобиться на то, чтобы создать слаженное государство, смыть следы гнёта Ездегирда из памяти народа и полюбить его?

Тем, кто внимательно читал дастан «Семь красавиц», известно, что эти части произведения кое в чем напоминают историю пророка Юсифа, который «пришел в Египет и стал султаном». Мы знаем, что миссия пророка Юсифа в Египте была связана с 7 годами процветания и 7 годами неурожая: именно этот период приносит посланнику Всевышнего наибольший почет, славу и признание, посеявшие в людях бесконечное доверие к его словам.

И Низами в своем дастане следует примерно теми же тропами. Приход Бахрама к власти в Иране сопровождается невиданным процветанием, которое является чрезвычайно важным условием создания государства. Поэтому я полагаю, что Бахрам, словно подражая пророку Юсифу, следует его примеру и приводит Иранское государство в состояние целостности и гармонии. Но в случае с Бахрамом на этот процесс уходит 4 года. Откуда я взял эту цифру – 4?

Дело в том, что после периода изобилия, спокойствия и счастья страна сразу подвергается испытаниям периода разрух и крайнего недостатка. В этом состоит прямая аналогия с указанной религиозной легендой. Однако Низами указывает на 4-летний срок периода упадка и нарушает сходство событий в судьбах пророка Юсифа и Бахрама, ограничиваясь лишь акварельными тонами сходства: при этом он заменяет семерки на четверки; т.е. и в этом случае сохраняет соотношение «4 весны и 4 осени». А парность, приравнивание, зеркальные отражения и принцип уравнивания являются требованиями матрицы эпического сюжета, основополагающим законом поэтики мифов, дастанов и сказок, сюжетных партитур. Поэтому, узнав о длительности периода упадка в 4 года, я сразу смекаю, что и период процветания также длился 4 года... Просто, как дважды два.

Процветание и упадок – испытания для Бахрам-шаха, проверяющие на прочность его умственные способности, справедливость, щедрость и человеческие качества; это экзамен для него. Это испытание длится ровно 8 лет, и за эти годы Бахрам Гур достигает 35-летнего возраста. 35 лет – это пик физических способностей мужчины. После этого фактически начинается период усталости, и физическая энергия ежедневно утрачивается. Если вспомнить описание автора, мы увидим, что после периода процветания и упадка в Иране вновь наблюдается **АБСОЛЮТНОЕ СЧАСТЬЕ** благодаря логичным указам и поведению Бахрам-шаха, и люди стекаются в Иран из разных стран, чтобы проводить жизнь в довольствии и богатстве, развлечениях, песнях и плясках. В Иране наступает конец 70-летнего периода горечи, смерть изгоняется из страны, и этот ПЕРИОД АБСОЛЮТНОГО СЧАСТЬЯ длится ровно 7 лет.

Именно в **период абсолютного счастья** Бахрам-шах переживает настоящую любовь, соответствующую пику его физической энергии, – любовь к Фитнэ. Так и должно было случиться: из всеобщего счастья Бахрам-шаху тоже должна была выпасть его доля счастья. Видимо, именно в один из этих годов счастья происходит история «Бахрама и Фитнэ». Из описаний Низами становится ясно, что шах постоянно брал Фитнэ с собой на охоту. Однако конфликт Бахрама и Фитнэ ждал 35-летия Бахрама, потому что пришить копыто онагра к уху – это уже не охота, а искусство, мастерство, умение: это можно сделать, лишь находясь на пике физической энергии.

ЗАМЕТКА: *очень интересно, а почему Низами заменяет имя рабыни Бахрама, известное из равнозначного эпизода произведения Фирдоуси? Вместо имени Азада появляется Фитнэ, что переводится с фарси как: 1) интрига, кляуза, каверза, козни; 2) провокация; 3) смятение, распри. Состоит ли в этом реальность отношения Низами к женщине? К его Ширин, Лейли, Фитнэ и семи красавицам?! Или параллель между Фитнэ – Аппак (Афаг), жены-рабыни самого Низами?*

Мои приблизительные расчеты показывают, что конфликт Бахрам-Фитнэ завершается примерно за 5 лет. Обида и гнев Бахрама, решение о казни Фитнэ, сокрытие Фитнэ в доме полководца, донесение до шаха вести о ее смерти, переселение Фитнэ с помощью полководца в 60-ступенчатый (указание на целый космический цикл) дворец на окраине деревни, подальше от людских глаз, закупка коровы, рождение коровой телёнка, ежедневное поднятие и спускание Фитнэ теленка на плечах по 60 ступеням, превращение теленка в бычка за 6 месяцев, который в годовалом возрасте достигает размеров 6-летнего быка, организация приёма гостей полководцем, ожидание прихода Бахрама в охотничьем угодии и, наконец, посещение Бахрамом дома полководца и встреча со своей рабыней, преподание Фитнэ урока мудрости Бахраму предоставляют собой довольно долгий процесс во времени. Если учесть, что полководец не встречался с шахом всякий раз, а Бахрам не выходил на охоту каждый день, быстрое разрешение этого конфликта видится невозможным. Не будем забывать, что шах должен был соскучиться по своей рабыне, погрузиться о ней, душевно изголодаться, пережить глубокое раскаяние и даже отдалиться от памяти о Фитнэ, ощутить отчуждение от происшедшего на определенный временной промежуток, его страдания и горе должны были притупиться, чтобы внезапный финал этой новеллы впечатлил людей, подарив Бахраму неожиданную радость. Ведь в этой истории правитель потерял фактически не рабыню, а любимую, сопереживательницу, собеседницу. Таким образом, когда Бахрам находит Фитнэ во второй раз, ему уже примерно 40 лет и на этот раз шах немедля венчается¹ со своей рабыней Фитнэ. В дастане это первая и последняя женитьба Бахрама. До сих пор Низами, часто и многократно описывавший развлечения и пиршества Бахрама, ни разу словом не обмолвился о его браке. А в конце истории с Фитнэ Низами уверенно сообщает, что их отношения длились долгое время. Но сколько конкретно? И сколько лет охватывает это «долгое время»? Неизвестно.

Однако одно известно точно: после заключения брака Фитнэ в качестве жены (возможно, главы гарема) больше ни разу не упоминается на протяжении всего произведения. В дастане сообщается о сыне Мунзира, об успешных детях Нерси, но ни разу ни слова о наследниках Бахрама, ХОТЯ БАХРАМ И ФИТНЭ ДОЛГИЕ ГОДЫ ЖИВУТ ВМЕСТЕ!!!

Фразы «долгие годы» или «долгое время» указывают на периоды свыше 10 лет, на потерянный счёт годам. Они являются характерной единицей измерения для эпического повествования и указывают на долгий промежуток времени. В дастанах героев, долго отсутствовавших в родных краях (например, таких как Бейрек в «Книге

¹Существовало ли венчание («кебин» по Корану, т.е. бракосочетательный документ по религиозным установкам) в период Сасанидов до возникновения ислама, или это попытка Низами исламизировать события?

моего Деда Горгуда»), не узнают даже их родные. Посему «долгие годы», прожитые Бахрамом в браке с Фитнэ, я снова принимаю за 12 лет (один полный завершённый космический цикл). Думаю, 12 лет брака между шахом и рабыней – это оптимальный вариант интерпретации «долгого времени». В произведении не сообщается конец истории Фитнэ и роли, которую она сыграла в жизни Бахрам-шаха в качестве примы его гарема. В любом случае, в координатах дастана Бахрам больше не женился ни на какой девушке; и Низами больше не возвращается к этой теме.

Эти мысли позволяют мне отметить, что когда Бахрам-шах с 300 воинами вступил в бой с 300 тысячным (и вновь принцип зеркального отражения) войском Китайского хагана, ему было приблизительно 52 года, и Фитнэ уже ушла из его жизни, может быть, по причине смерти. Возможно, если бы Фитнэ была рядом с шахом, Бахрам передумал бы строить семь куполов. В итоге всё случается так, как этого требует дастан.

Таким образом, в контексте новеллы о Фитнэ возраст Бахрама: $35+5=40$.

Долгие годы проживания вместе с Фитнэ: $40+12=52$.

Ещё 3 года я отвожу войне шаха с Китайским хаганом. Значит, когда Бахрам Гур полюбил дочь падишаха семи климатов и начал строительство семи куполов, ему было примерно 55 лет, плюс-минус 2 года. Прибавляю к этому время, потраченное на собрание Бахрам-шахом дочерей падишаха семи климатов – опять примерно 3 года.

Сколько всего получилось? 58.

Вот я и дошел до очень важного момента: последующий путь лежит уже прямо в направлении семи куполов и семи красавиц, а ещё в направлении Индии (в эзотерике слово Индостан расшифровывается как «кладбище»).

Давайте вновь просмотрим текст Низами и определим, когда появилась идея построить семь куполов.

Поначалу и я не обратил на это особого внимания и прошел мимо. И вдруг я очнулся: надо же! Оказывается, этот эпизод был создан не просто так, только ради продолжения сюжетной линии или приплетения одного события к другому, а другого к этому. Эта сцена является локомотивом партитуры замысла произведения и второй части дастана (я считаю, что с зимнего меджлиса фактически начинается новая глава «Бахрамнамэ»: до этой главы семь красавиц, если так можно выразиться, только латентно существовали в подоплёке произведения). «Описание зимнего меджлиса Бахрама и строительство семи куполов»¹ служит кодом для раскрытия сути и основного значения последующих событий.

Почему не весенний, не летний, не осенний, а именно зимний меджлис? Помоему, это знак, намёк на зимний этап жизни Бахрама. По мере увеличения возраста тело человека остывает, внутри него непрерывно «идёт снег», и растёт потребность направиться к теплу – в Индию. Это тот самый намек, который доказывает правильность мыслей, которые я выскажу в финальной главе моей статьи.

Речь идет о том, что в начале зимней поры своей жизни Бахрам зажигается идеей построить семь куполов. Неужели он в этом возрасте пожелал развлечений, о Боже, и Низами взял да и написал об этом? Что-то не верится. В некоторых источниках «Семь красавиц» даже называют «шедевром эротической литературы»(?). Это пустое и бессмысленное заявление, обусловленное неспособностью раскрыть семантику и семиологию дастана Низами!

Оставим пока эту мысль без анализа и вернёмся к вопросу возраста и строительства 7 куполов на зимнем меджлисе...

Зодчий Шиде, взявшись за это дело, воздвигает семь куполов за два года. Значит, Бахрам достигает 60-летнего возраста. А 60-летие в жизни человека указывает на завершение одного целого космического цикла (12-летний цикл – это 4 раза 3-

¹См.: https://ru.wikipedia.org/wiki/Семь_красавиц

летний цикл; 12-летний цикл, пятикратно повторяясь создаёт 60-летний цикл; 60-летний цикл принадлежит глобальному 600-летнему циклу; один космический год составляет 360 градусов, а земной шар совершает этот оборот за глобальный цикл (длиной в 26 тысяч лет) и начало нового: потому что когда человеку исполняется 60 лет, все звезды и планеты в небе выстраиваются как в день его рождения.

Получается, что Бахрам в 60-летнем возрасте входит к 7 дочерям 7 падишахов климатов, нашедших для себя жилище в семи цветных куполах, и эти 7 красавиц каждый день рассказывают 60-летнему мужчине по одной сказке. Кому обычно рассказывают сказки? Детям... чтобы те быстро и крепко уснули. Бахрам тоже ребенок: цифра 60 озаменовала его повторное символическое рождение, т.е. является указанием на новые параметры жизни.

Главная цель сказки – кого-то усыпить. А усыпить – означает что-то предотвратить. Сказки Шехерезады («1001 ночь») спасли её от смерти. А каждая сказка, рассказанная семью красавицами, будучи по сути эротической, предотвращает эротику, каждый день ещё на один шаг приближает Бахрама к более высокой ступени совершенства и внутренне готовит его к смерти.

Смерть ведь тоже вечный сон. Усыплять можно понимать и как убивать.

Семь красавиц – это приключение Бахрама в 60 лет, как мажорный аккорд нарисованной на стенах Хаварнака судьбы. Это приключение обусловлено 5-кратной позицией 7 планет в 12 созвездиях: когда планеты завершают этот путь, человек завершает 60-летний цикл.

Низами мог устранить героя «Семи красавиц» в 60-летнем возрасте. Судьба уже сделала свое дело, миссия была завершена. Однако Низами был нужен катарсис. Он должен был пробудить Бахрама, усыпленного семью красавицами, как умудренного человека, т.е превратить его в «аль-инсан аль-камиль», иными словами, в совершенного человека.

Поэтому Низами дает Бахраму ещё 3 года жизни. Новый конфликт с Китайским хаганом, беспорядки в войске, его визит в дом старого пастуха, выслушивание семи обездоленных и наказание своего визиря умещаются примерно в 3 года, и по моему предположению Бахрам-шах по прозвищу Гур исчезает в пещере в свои 63 года. В пещере Платона? На границе между реальностью и виртуальностью, жизнью и грезой? Жизнь внутри пещеры моделируется иначе, чем вне этой пещеры. Разве Бахрам убил дракона не в пещере? А где обнаружил клад? В пещере.

Значит, пещера выступает проводником между двумя мирами. Бахрам этих последних трёх лет уже словно не тот, что прежде; это даже не Бахрам, а как бы дух его. Это уже тот Бахрам, который живёт по инерции и постепенно подходит к воротам смерти, превращаясь в белую энергию, очищаясь от всех соблазнов мира.

«Семь красавиц» – это предсмертное духовное омовение Бахрама.

Странно, что будучи окружённым разными людьми в дастане, Бахрам словно постоянно приговорен к одиночеству. С самого рождения Бахрам в произведении одинок. Мир небытия всегда принадлежит одиноким: души постоянно скитаются по тому миру в одиночестве и поэтому возвращаются в сны в поиске общения.

Таким образом стало ясно, что в 63 года Бахрама Гура поглотила могила-пещера. Та самая пещера? Или это указание на пещеру, в которой скрылся пророк Мохаммед?

В любом случае, Бахрам-шах прощается с реальностью в 63 года подобно пророку Мохаммеду. $6+3$ равно 9. Вот к этому-то я и хотел прийти. И в этот раз опять та же самая девятка. Эта цифра охватывает собой всё, т.е. всю Вселенную. А суть-то в чём? Какой смысл играть девятками и семерками?

Дело в том, что цифра 9 символизирует целостность, полноту, завершенность. Дальше девяти цифр нет, есть только вариации цифр. Вы скажете: а как же 24, ведь

24 часа – это один день: 1 день помещается в 24 часа!!! Но я, ссылаясь на исследования культуролога И.Тагиева¹, с уверенностью заявляю, что 24 часа – это тоже девятка. 24 часа в пересчёте на минуты, т.е. при умножении на 60, дает 1440 (1+4+4); а в пересчете на секунды, т.е. при повторном умножении на 60, дает 86400 (8+6+4=18=1+8). И там, и тут в ответе – 9. Так же и день с ночью, т.е. 12 часов в пересчёте на минуты равняется 720, а в секундах – 4320. И здесь в обоих случаях (7+2 и 4+3+2) ответ составляет 9.

360 градусов, 360 дней (календарь древних майя), 360 секунд, численные выражения массы Земли и Солнца (9x10)^п, в индусской космологии, в Списке Шумерских Венценосцев до Всемирного потопа и в календаре майя, мировые исторические циклы всегда укладывались в девятку, завершались девяткой. Поэтому 9-значный универсальный символ Зрелости и Умудренности «намекает на полное воплощение идеи Создателя»². Без Завершенности и Умудренности человек не достигает состояния отшельничества, отказа. Вот и Бахрам возвышается именно своим отказом. Отказ от Хаварнака означает отправиться в путь, ведущей в рай.

Наверное, поэтому Бахрам Гур восходит на престол в 27 лет, а умирает в 63 года; 63 минус 27 получится 36. 63-летняя жизнь, 36 лет правления: и в том, и в другом случае результат будет 9. И вновь отличительная зеркальность, парность и приравнение в целях поэтики дастана. Ну, хорошо. Поверьте, что я сам удивляюсь тому, что всё настолько точно раскладывается по матрице. Такую идеальную и интеллектуальную партию для дастана мог создать только Шейх Низами: знания позволяли ему совершить такое интеллектуальное чудо. Во всех случаях это знак, указывающий на вершину умудренности и завершенность космического цикла, знак, возвысивший Бахрама до уровня святых. Это также указание на то, что девять судеб и семь планет постоянно играют в игру поло, и мячом в этой игре является человек, которого катят по линиям судьбы.

Таким образом, я пришел к выводу, что цифра 7 является символом дастана «Бахрамнама», а цифра 9 – паролем.

НАСТОЯЩИЕ КРАСАВИЦЫ ИЛИ МИФИЧЕСКИЕ ГУРИИ?

Всё, что я написал до сих пор, было написано ради этой главы. Вычисление возраста Бахрама было мне нужно ради финала статьи. Моей целью было действительно выяснить, в каком возрасте Бахрам Гур добился своих семи красавиц. Выяснилось, что только в 60 лет он превратил их в хозяек семи куполов, овладел ими. Овладел ли? Гм...? Может, эти семь красавиц пришли, чтобы забрать Бахрама Гура в иной мир, проводить его в царство смерти, подготовить его к отходу в иной мир? Разве эти семь красавиц не «дописали» судьбу, карму Бахрама, короче, не сыграли последние аккорды его длинной жизни?

Надо хорошенько подумать...

Я сейчас говорю, ссылаясь на глубокого знатока классической восточной поэзии, Рустама Алиева³, на приведенные им объяснения к «Семи красавицам»: расхваливающий дворец Хаварнак Низами особо отмечает, что если бы свет солнца попал на дворец Хаварнак, он ослепил бы глаза гурий в раю. Здесь прямая связь: это – код всего вопроса. Хаварнак рефлексивно связан с двумя мирами. В реальном мире он материален: построен из камней, оштукатурен специальным клеем из смеси глины с яичным желтком; а в ирреальном мире – он корпускулярен, смоделирован из мельчайших частичек. Покрытие дворца Хаварнак, отполированные стены, отражая солнечные лучи, направляют их в рай; отражают так, что гурии заслоняют глаза

¹Тагиев И. Апокалипсис не гибель, а трансформация человечества. – М.: Маска, 2012.

²Указанное произведение, стр.28-29.

³Алиев Р. Пояснения // Гянджеви Н. Семь красавиц. – примечание 111.

покрывалом. Это означает, что дворец Хаварнак способен перенести себя в рай посредством света. Если это так, почему бы не существовать обратному варианту, в котором гурии по лучам Солнца спустились бы из рая во дворец Хаварнак?

Вспомните рассказ, представляющий умения китайских и румийских художников как вершину мастерства: стены, идеально отполированные китайскими малярами, зеркально отражают изображения, нарисованные румийскими художниками.

Низами постоянно сравнивает своих семерых красавиц с гуриями (например, «красавицы с лицами гурий») и иногда даже сообщает открытым текстом, что Дурсети из рода Кейкавус была ангелом; т.е. они происходят от считающихся самыми прекрасными из разновидностей джиннов. И не только Дурсети: Низами называет семью ангелами, феями всех семерых красавиц, нарисованных Симнаром (Фурек, Ягнамаз, Назпери, Несриннуш, Азерьюн, Хумай, Дурсети); сообщает, что эти семь фей были определены для Бахрама, вписаны в его судьбу семью братьями, т.е. семью планетами. В другом отрывке Низами описывает одну из красавиц как гурию из рая. Любимая Бишр представлена читателю как «гурия».

Мысля логически, нужно отметить, что когда Симнар нарисовал портрет семи красавиц, и Бахрам увидел эти изображения на стенах скрытой комнаты, эти девушки еще не родились на свет. Как мог Симнар в то время знать имена семи девушек, где мог увидеть их лица?

Ослепление автором глаз райских гурий светом дворца Хаварнак и логика поднятых мной вопросов доказывают, что красавицы – не дочери реальных падишахов, а гурии, и принадлежат потустороннему миру.

В этих словах об ослеплении глаз интересен ещё один момент. Может ли Хаварнак, полный желаний и соблазнов, истолковываться как ад реального мира в плоскости знаний Низами? Конечно. Разве Хаварнак не уничтожил самого Симнара раньше всех остальных? Разве его не сбросили со стены Хаварнака? Не зря говорят, что алчность горячее пламени. И золото, и серебро – это объекты, обжигающие адским огнем, приближающие к пламени ада. Человек никак не может насытиться богатством и славой.

Хаварнак – самый прекрасный ад в мире: если поддашься соблазну этой красоты, двери рая навсегда закроются перед тобой. Возможно, Хаварнак – это урок, с которым Низами хотел ознакомить читателя: сияние его огня, дойдя до рая, ослепляет даже гурий. Хаварнак – это огонь, соблазн: не спасшийся от него в реальной жизни не сможет найти дорогу в рай. Кто бы мог подумать, что сказочный Хаварнак – это знак, призванный напомнить людям об аде?..

Каждый бейт Низами, каждый сюжет, каждый персонаж словно состоят из семи слоев значений и смыслов, и каждый из них – по-разному раскрываемая загадка, ребус.

Приходится всё думать и думать...

В 60 лет, когда физическая энергия на исходе, а тело «иссыхает», не выглядит ли смешно фантазия о семи красавицах как в плане любви, так и в сексуально-эротическом плане, а также с точки зрения нравственности? Разве мужчина 60 лет, желающий жениться даже не на красавице, а просто на обычной женщине, не становится объектом насмешек, издевок, иронии? Если Бахрам, впечатленный портретами, нарисованными Симнаром на стенах Хаварнака, действительно заочно влюбился в этих красавиц, почему он не нашел их в молодом возрасте, не привел в свой гарем, а влюбился в рабыню Фитнэ и женился на ней? Ради любовных переживаний с семью красавицами на пороге старости?

До сих пор (насколько мне известно, естественно) ещё ни один интерпретатор текстов Низами или исследователь наследия Низами не обращал своего внимания на эту проблему. И не задавался вопросом, почему Низами представил семь красавиц под именами дочерей семи падишахов климатов, а не семи стран, семи земель?

Правда, на арабском языке слово «климат» понимается и в значениях страна, край, материк, земля, область. То есть, на первый взгляд нет никакой неувязки, конфликта мышления. Однако по семантической насыщенности понятие «климат» стоит, если так можно выразиться, на ступень выше остальных. Климат – это прежде всего погодная обстановка, метеорологические условия; климат указывает на состояние атмосферы; это понятие ближе к небу, чем к земле. Для уточнения мысли спрошу: почему Низами должен был предпочесть использование именно слова «климат»?

Ещё один вопрос: действительно ли эти семь красавиц реальные красавицы, или они – мифические гурии?

Над этим пришлось бы думать до потери пульса...

Исламская мифология представляет гурий как черноглазых, белолицых райских девиц сверхъестественной красоты. О наличии у гурий крыльев никогда не упоминалось; но понятно, что в контексте культуры ислама их также представляют себе в виде небесных фей. К тому же при произнесении слова «гурия» на восточных языках, в воображении человека рисуются существа нематериальные, невесомые, эфемерные, с некоей фактурой кубомедузы и способные легко входить в параллельные миры. Разве выражение «дочь падишаха климата» не указывает на принадлежность к воздушной стихии? Разве это не указание на их способности корпускулярно передвигаться в пространстве? На самом деле, увидеть гурий было невозможно, потому что они постоянно пребывали в раю, т.е. в будущем мусульманина, ожидая достойных рая мужчин, не теряя девственности и не старея.

Евгений Эдуардович Бертельс, ссылаясь на более поздние тексты мусульманской культуры, писал: «По представлениям мусульман, гурии – это награда умершему праведнику, которую он может получить, разумеется, только после смерти, в раю. Это весьма важное обстоятельство. В более поздних текстах подчеркивается, что гурии недоступны человеку, пока он пребывает в своей земной оболочке. Если человек увидит предназначенную ему гурию ещё в этой жизни, то это значит, что срок его земного существования истекает, и он скоро перейдет в царство усопших»¹.

В научных кругах бытует мнение, что слово «гурия» произошло в арабском языке от слова «хурр» – свободный. Я с этим совершенно не согласен: ведь гуриям в какой-то степени можно дать определение райских рабынь. Какова связь между рабыней и свободой?

Поддерживая мнение ряда специалистов, я считаю, что возникновение гурий в исламской мифологии связано с представлениями об ином мире в религии Зороастра. Согласно вере Зороастра, на третий день после смерти человека, касающийся души умершего утренний ветерок приводит к нему его добрые дела в образе 15-летней девушки легендарной красоты. Источник её красоты – это благие поступки, добрые мысли и благотворные слова умершего человека. А поступки плохого человека приходят к его душе в образе уродливой девушки. Одна – награда, другая – наказание. Зороастризм называет этих девушек «невестами души»². Повторив сказанное Е.Э.Бертельсом, надо отметить, что все эти качества есть и у гурий!

Но в исламской мифологии нет безобразных, уродливых гурий. Потому что душам плохих людей вход в рай воспрещён: их путь лежит напрямик в ад.

Ещё один вопрос: есть ли какое-то родство между древнегреческими гарпиями и гуриями, известными из священных и поэтических текстов мусульманской культуры Средневековья? И могут ли считаться гарпии из древнегреческой мифологии инвариантом гурий?

Я говорил уже вам, что сходство есть как в фонетическом, так и в семантическом плане. Фонетическое сходство, вроде, очевидно: «харпи» – «хури» – «пери» (хрп – хр – пр). А на семантическом уровне, хотя и бросаются в глаза какие-то несо-

¹Бертельс Е.Э. Избр. труды: суфизм и суфийская литература. – М.: Наука, 1965. – стр.85

²Более подробно об этом смотри: там же.

ответствия, даже противоположности, но по сути многое перекликается друг с другом. Конечно же, я очень далек от того, чтобы поставить между ними знак равенства. Но и гарпии, и гурии, и пери (феи) являются продуктом однотипного мифопоэтического мышления.

В греческой мифологии гарпии считались детьми морского бога Таваманта и океаниды Электры (либо дочери олицетворения огнедышащих сил Земли – Тифона). Слово «гарпия» охватывает значения: схватить, украсть, унести. Это полуженщины-полуптицы: очень уродливые, с орлиными крыльями и когтями, как у грифов. Они налетали внезапно, как ветер, выкрадывали детей, души людей или пищу, и так же неожиданно скрывались из виду. По другой версии, гарпии произошли от гетер, расхитивших имущество Финей. В одном из вариантов мифа Финей, выколол глаза своим сыновьям, скормливает их диким животным, а в другом варианте избивает их плетью, вкопав по пояс в землю. За садистское обращение со своими детьми Финей был навечно наказан голоданием: поэтому как только Финей принимался за еду, Гелиос (бог Солнца) сразу высылал гарпий, и эти птицевидные женщины не давали Финею донести пищу до рта, либо расхитив, либо осквернив еду.

Несомненно, стоило искать в уродливых гарпиях архаику безупречных райских гурий. С другой стороны, надо также не забывать, что между гуриями и гетерами есть сходство, поскольку гурии, как и гетеры, представлены в качестве задушевных друзей, избранных скорее для душевного спокойствия, чем для эротических переживаний.

В одном из эпизодов дастана актуализируется тема гурий-гарпий и усиливается мотив гурий и параллельного мира. В «Семи красавицах» Низами рассказывает сказку о черном цвете, когда индийская красавица Фурек в своем рассказе упоминает мифическую птицу: это безмерно огромное существо, живущее на высокой скале; у него такие крылья, что оно может унести в когтях крупного человека. Ухватившись за когти именно этой уникальной птицы (если это была бы птица Симург, Низами открыто упомянул бы об этом), шах достигает заколдованного рая 40 гурий и в итоге остается в этом раю ни с чем; ему не терпится достичь радости обладания верховной гурией и он лишается всего. Здесь необычная птица играет роль проводника, моста между параллельными мирами: переносит правителя из реального мира в мир ирреальных событий, в котором находятся гурии.

Вдобавок к этому, начиная свою сказку, дочь первого падишаха климатов говорит, что услышала этот рассказ от одной из отшельниц из числа женщин райского дворца. Спрашивается: кем являются женщины райского дворца? Ответ: конечно же, гурии. Так какова была цель этой райской женщины, когда она выводывала тайну падишаха в черных одеждах? Её целью было нечто невозможное – превратить черное в белое, обелить черное. Основной концепцией дастана «Семь красавиц» тоже является превращение черного в белое.

При переходе Бахрама из одного купола в другой цвета становятся «светлее», «воздушнее», как бы «смягчаются», обретают энергию полёта, лёгкого парения, и в конце обеляются.

Обратите внимание на эту последовательность: черное (Сатурн-Зюхаль-Кейван, шенбе-суббота), желтый (Солнце, йекшенбе-воскресенье), зеленый (Луна, дюшенбе-понедельник), красный (Марс-Маррих, сешенбе-вторник), бирюзовый (Меркурий-Утарид, чершенбе-среда), соломенный (Юпитер-Муштари, пянджшенбе-четверг), белый (Венера-Зухра-Нахид, джума-пятница).

Правильно, эти цвета определяются планетами и днями недели. Но Низами увидел в этом раскладе судьбу Бахрама, его физическое и душевное преобразование, смерть.

Семь планет семи цветов также указывают на 7 ТЕЛЕСНЫХ ОБОЛОЧЕК Бахрама.

Ясное дело, что человек – это существо, состоящее из 7 тел, вернее, телесных оболочек, которые отделяются от человека, а значит, и друг от друга после смерти. На самом деле, смерть – изменение формы души – это процесс, состоящий из нескольких этапов. Низами использует каждую встречу Бахрама с одной из красавиц под одним из куполов, чтобы символически показать поэтапное отрывание одной из оболочек человека. Контактируя каждый день с красавицей – гурией – под одним из куполов, Бахрам приближается к своему концу, который в суфизме кодируют под словом «*фэнафиллах*».

С этой точки зрения, черный купол символизирует физическое, материальное тело Бахрама.

Желтый купол символизирует эфирную оболочку тела шаха, которая никогда не утрачивает своей энергетической связи с физическим телом.

Зеленый купол символизирует его чувственную оболочку, связанную с миром духов: это астральная оболочка тела Бахрама.

Красный купол указывает на его ментальную, мыслительную оболочку.

Бирюзовый купол символизирует каузальную, кармическую оболочку тела шаха, считающуюся бессмертной: каузальный план тела охватывает мир реальных событий.

Купол соломенного цвета выступает как символ буддхического тела Бахрама, т.е. интуитивной оболочки тела. Она связана в подсознании с энергетикой тела Будды, которая моделирует ценности человека и социума.

А белый купол является визуальным образом похожего на яйцо атмического тела Бахрама. По своему объему, это самое крупное тело, которое, вобрав в себя остальные оболочки, защищает их от внешних негативных воздействий.

Таким образом, смерть – это процесс, реализуемый не за день, а за год. Сначала четыре начальных тела отрываются от «Я» человека в первые сорок дней: в первый день – физическое тело, в третий день – эфирная оболочка тела, на седьмой день – астральное тело, на сороковой день – ментальное тело; «растаяв», они смешиваются с другими материями.

Остальные три высшие оболочки тела (Каузальное тело, Буддхическое тело и Атмическое тело), начиная с 52-го дня ($5+2=7$) видоизменяются в течение одного полного года и какое-то время остаются в пустоте между Землей и Небом, а на следующем этапе ждут своего назначения в божественном мире.

Повторяю: эти красавицы – не реальные существа, а гурии, мифические дочери семи падишахов климатов. Во-первых, каждая из этих красавиц – это тип Шехерезады: несмотря на очень юный возраст, им ведомо и то, что на земле, и то, что под землей, и они демонстрируют мастерство в рассказывании сказок. Во-вторых, рассказываемые ими новеллы как по содержанию, так и по настроению не настраивают человека на развлечения. Все они имеют дидактический смысл и по своей сути соответствуют природе телесных оболочек человека. Неслучайно к концу сказки Бахрам каждый раз засыпает, как ребенок, обняв одну из красавиц гурий. В-третьих, 7 красавиц также символизируют 7 соблазнов (гордость, гнев, желание, зависть, сладострастие, лень, ненасытность). В конце дастана 7 жалобщиков просят у Бахрама помощи, обвиняя визиря именно в 7 греховных качествах. Проходя под куполами, Бахрам Гур спасается от своих семи тел, 7 соблазнов; спасается, чтобы выбрать путь другого купола, т.е. купола храма.

«Рассказ о падишахе в черном одеянии» под черным куполом – это рассказ о физическом теле: ты ничего не выигрываешь, обеспечивая свои материальные потребности и желания; наоборот, ты теряешь то, что имеешь, удаляешься от своей души и опускаешься на темное дно. Потому что душа отбрасывает материальность тела и ускоряет момент физической смерти.

Душа укрепляется при аскезе.

А «Сказка о падишахе, продающем рабыню», поведанная под желтым куполом, это участь эфирного тела человека; эфирное тело нестабильно и зависит от физического тела. Сблaзн накапливается в эфирном теле человека и увеличивает его уклонение. Там, где сидит сблaзн, справедливость превращается в раба, а правда выгоняется за дверь.

Поведанная под зеленым куполом «История о Бишре» – это участь астрального тела, расшифровываемого в чувственном плане. Любовь подпитывает добродетельность Бишра: эта добродетель является потенциальной победой над сблaзном. Почему потенциальной? Потому что внутри каждой любви присутствуют признаки сблaзна.

История, рассказанная под красным куполом, иллюстрирует способность ментального тела решать проблемы. Ментальное тело – это верхний слой начальных тел, но в то же время – порог высших тел. Красный купол носит цвет Марса-Марриха, который считается планетой Бахрама (Брахман-Бахрам). На мусульманском Востоке планету Марс, известную в мифах как покровительница войн, называют Бахрам. Но дело в том, что, не освободившись от этих тел, невозможно наполниться настоящим светом, установить связь с Аллахом.

Поэтому «Сказка о Махане», рассказанная под бирюзовым куполом, является вербальным воплощением первого из высших тел – каузального тела. Махан – путник между реальным и мистическим мирами: цепочка поступков обуславливает духовное состояние человека. Причина становится результатом; результат – это причина; и так до бесконечности... Каузальное тело – словно файлы поступков династии и носит кармический характер.

Тело Будды свободно от кармы. Поэтому рассказанная под куполом соломенного цвета «Сказка о Добре и Зле» однозначно подчеркивает сакральность Добра, выводит ее за пределы кармы, превращает в чистую энергию: таким образом, пропадает вероятность повторного рождения и переживания тех же событий в другой оболочке. Вспомните Будду: он абсолютно счастлив, ибо покинул сансару и больше никогда не вернётся в этот бранный мир.

Сказка, рассказанная под белым куполом, указывает на атмическое тело Бахрама. Этот купол посвящен планете Зухра (Венера), и тут рассказывается об одном **хаадже**, который стремился добиться прекрасной гурии. Атмическое тело проявляет себя в экстремальных ситуациях и обычно сокрыто от взора. Последний рассказ тоже насыщен экстримом.

Влюбленный в гурию хаадже {взгляните на семантическое поле этого слова: 1) уважаемый, влиятельный человек; сановник; господин, хозяин; 2) визирь; почётный титул визиря; 3) собственник; богатый человек; 4) торговец, купец; 5) учитель, наставник; 6) почётный старец; мудрец; 7) евнух, кастрат} страдает от желания добиться своей любимой. С чего бы это Низами «одаривает» главного персонажа в последней сказке своего произведения титулом «хаадже»? Может быть, он намекает на неспособность Бахрама любить женщину чувственно в таком возрасте и таком душевном состоянии? На самом деле, ведь и уважаемый, влиятельный человек, сановник, господин, хозяин, и визирь, и собственник, богатый человек, и торговец, купец, и учитель, наставник, и почётный старец, мудрец – все они по характеру своей сексуальной энергии приближены к евнуху. Ибо слово хаадже уже априори подразумевает немолодого мужчину, и мужчина достигает почёта, богатства, уважения ближе к старости, когда угасает мужская сила. Может, поэтому в сказке у хаадже ничего и не получается в смысле любовных утех.

Многочисленные подруги красавицы в чудесном саду всеми силами стараются помочь влюбленным приблизить момент совоплощения. Но этому не дано свершиться: страсть превращается в карнавал, обесценивается в элементах буффонады, подвергается насмешкам. Каждый раз при приближении кульминационного момента ин-

тимных переживаний то обрушивается балкон, то кот падает им на голову, неудачно поохотившись на птицу, то полевая мышь опрокидывает тыквы, которые шумят, как барабаны, при падении, то не поделившие между собой добычу лисы от страха перед волками рассыпаются в стороны и убегают, перескакивая через тела влюбленных, и тревожат их. В концовке сказки, верно, Низами ведёт читателя к дидактике, т.е. начинается наставление: говорит «нет» эротике и видит решение проблемы в венчании. Но это лишь видимая часть айсберга. На самом деле Низами намекает на то, что на пути к самосовершенствованию плотская любовь лишь помеха, и она несовместима с духовной жизнью познавших (**аль-арифун**), каковым и является Бахрам.

Это седьмая история от седьмой красавицы: финальная сказка; вернее, финальное воплощение идеи произведения; в чём-то даже видимая, очевидная сторона притчи, где все цвета превращаются в белизну чистоты. Единственным же способом превратить черное в белое является постоянное очищение и самосовершенствование. Лишь после этого высшие оболочки тела формируются в Божественном Мире.

Цитирую самого Низами:

*Чистых нет цветов. С изъяном каждый в мире цвет,
Кроме белого, – в одном лишь в нем изъянов нет.
Все, что чистотой блистает, все, что запятнать
Невозможно, мы привыкли «белым» называть.
И в часы служений богу, перед алтарем
Вечно, мы в одеянье белом предстаем.*

Однако здесь белый цвет носит ещё и иную семантику, потому что все считают его цветом савана. Белый – также цвет небытия. Цвет справедливости и поклонения тоже белый, потому что без искренности нет поклонения. Без искренности невозможно вознестись на небеса. Именно поэтому Низами в итоге приводит своего героя к белому цвету.

Если мы разберем все сказки семи красавиц одну за другой, то увидим, что события, происходящие в этих сказках, относятся не к реальному миру, а к миру ирреальному, фантастическому; события и переживания, рассказанные под куполами, происходят в координатах мистики. Купола – это как бы врата в параллельные миры. В каждой из этих сказок есть колдовство, иными словами, элементы мифа и сказки, и эти тайны, чары известны только гуриям, обладающим сверхъестественной красотой и силой.

Я хочу сказать, что 7 красавиц, до сих пор воспринимавшиеся в эротическом плане в качестве любовниц Бахрама, в действительности являются гуриями, и в структурированном Низами художественном тексте можно найти множество доказательств этому. Эти гурии задуманы для проведения Бахрама в мир усопших, в потусторонний мир! Посредством бесед с этими гуриями Бахрам освобождается от семи оболочек своего тела, семи соблазнов, мирского Хаварнака. Поэтому я считаю, что «Бахрамнама» – это великолепный дворцовый дастан не о подвигах, не о сексуальных влечениях Бахрама, а о душе шаха, о его пути самосовершенствования, о его очищении от мирской скверны, о его семи телесных оболочках, семи гуриях, семи планетах, семи соблазнах, о Космосе человека и вселенской Гармонии.

Полагаю, что уже давно пора осуществить всесторонний аналитический подход к наследию Низами Гянджеви посредством перекрестного применения различных методов исследования, дабы добраться до сокровенного и истинного смысла произведения.

Перевод И.М.ГАДЖИЕВОЙ